

ВЕРА
ЛЮБИМОВА

ОЛЬГА
ДАШКОВА

РАЗВОДА
НЕ БУДЕТ
Не отпущу

Ольга Дашкова

Развода не будет. Не отпущу

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Развода не будет. Не отпущу / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Я узнала об измене в обычный вторник. Не устроила сцен, просто собрала чемодан и уехала. Он кричал мое имя под снегом, слал цветы, бронировал рестораны. Не помогло. Потому что я не нуждалась в нем. У меня было все: работа, деньги, жизнь, которая шла без него. Никакой зависимости. Чистый выбор. Именно поэтому когда я все-таки сделал выбор – это была не слабость.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ольга Дашкова, Вера Любимова

Развода не будет. Не отпускаю

Глава 1

Марат проснулся раньше меня.

Почувствовала это сквозь сон, он всегда двигался слишком громко для шести утра, слишком энергично для человека, который только что проснулся. Загремел чашкой на кухне, что-то негромко сказал себе по-грузински, эту привычку он так и не поборол за все годы, проведенные в Москве, потом вернулся в спальню.

Притворилась, что сплю.

Не потому, что не хотела его видеть. Просто я люблю эти несколько минут, когда он думает, что я сплю, и смотрит на меня вот так. Тихо. Без слов. Сел на край кровати. Осторожно, одним пальцем убрал волосы с моего лица. Потом наклонился и поцеловал в висок.

– Лин, – тихо. – Я уезжаю.

– Угу, – сказала я подушку.

Он засмеялся. Смех низкий, отрывистый, как будто его застали врасплох. Я влюбилась в этот смех три года назад и до сих пор не могу от него избавиться.

– Вечером в восемь буду. Ты не забыла, что в субботу у Сони именины?

– Не забыла.

– Подарок купила?

– Марат.

– Что?

– Уходи уже.

Он снова засмеялся. Поцеловал еще раз: в щеку, в нос, потом в губы, уже нормально, уже по-настоящему. Открыла глаза.

– Я люблю тебя, – сказал просто так. Без повода. Как говорил каждое утро последние два года. Сначала, когда мы только начали встречаться, потом, когда поженились, потом, когда поженились уже год назад, и это стало привычкой, нашей привычкой.

– Я тоже, – ответила.

Марат встал, поправил пиджак у зеркала – светлый, мой любимый, я всегда думала, что в нем он похож на кого-то из кино. Темные волосы, татуировка на шее. Невозможный человек. Опасный, но такой любимый.

– Вечером расскажу про встречу, – бросил уже из коридора. – Там будет интересно.

Хлопнула дверь.

Полежала еще пять минут, глядя в потолок. За окном был март, хмурый московский март с той особенной серостью, которая обещает то ли снег, то ли дождь, но не приносит ни того, ни другого.

Через две недели мы летели в Барселону. Десять дней, отель на первой линии, Марат забронировал еще в январе. Мы оба давно не были в нормальном отпуске, все работа, встречи, дедлайны.

И еще, мы кое о чем договорились. Но это будет после отпуска. Хватит откладывать, – сказал он в декабре, обнимая меня на кухне. Ты хочешь, я хочу, чего мы ждем? Я смеялась и говорила, что он торопит события. Но думала о том, что он прав.

После Барселоны мы начнем задумываться о детях.

Встала. Сварила кофе. Оделась. Мой любимый серый жакет, белая блузка, каблук. Посмотрела на себя в зеркало.

Все на месте. Лина Гулиева готова к рабочему дню.

В банке был обычный вторник.

Утром планерка, потом переговоры с партнерами по варшавскому проекту, потом два часа работы с цифрами, которые никак не сходятся. Света принесла кофе в три часа, я поблагодарила ее, не отрываясь от экрана. За окном постепенно темнело, в марте еще темнеет рано, это его единственный недостаток.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Я не люблю отвлекаться во время работы. В половине пятого он завибрировал. Покосилась на экран, это был незнакомый никнейм, соцсеть, запрос в личные сообщения. Вернулась взглядом к таблице.

Снова завибрировал. Потом еще раз.

Взяла телефон с легким раздражением, терпеть не могу, когда что-то отвлекает на завершающем этапе сверки, и открыла сообщение.

«Привет. Ты меня не знаешь. Я долго думала, писать или нет. Пожалуйста, напиши мне». Это важно. Прости».

Незнакомый аккаунт. Закрытый профиль, без фото, зарегистрирован три месяца назад.

Я подумала – спам. Или какая-то странная девочка перепутала адресата. Написала коротко: *«Вы ошиблись»* и вернулась к таблице.

Через минуту пришел ответ.

«Я не ошиблась. Тебя зовут Лина. Ты работаешь в банке. Ты жена Марата Гулиева. Я знаю, кто ты. Пожалуйста, прочти».

Не знаю, почему я сразу не закрыла приложение. Наверное, из-за имени. Марат Гулиев – не самое распространенное сочетание. Спамеры так не работают.

Написала: *«Кто вы?»*

Ответ пришел мгновенно, как будто она ждала, держа палец над экраном.

«Меня зовут Карина. Я работала с Маратом. Лина, я не хотела тебе писать. Правда не хотела. Но я больше не могу молчать. Он сказал мне, что у вас все плохо. Что ты холодная и вам давно не о чем говорить. Что он давно хочет уйти, но не знает как. Я думала, он свободен. Почти свободен. Я была душой. Прости».

Сидела и смотрела на экран. Где-то за стеной переговорной Света весело болтала по телефону о чем-то личном. На улице сигналила машина. Все было как обычно.

«Я тебе кое-что отправлю. Ты должна знать».

Сообщения начали приходить одно за другим. Скриншоты переписки.

Я смотрела на экран и видела его имя. Его манеру писать, Марат всегда ставил запятую перед «что», это была его особенность, я его за это дразнила. Его слова, такие живые, настоящие, в каждой фразе я слышала его голос.

«Скучаю. Сегодня весь день думал о тебе».

Дата под сообщением: 14 февраля.

14 февраля. День святого Валентина. В этот день Марат подарил мне белые пионы, мои любимые и сказал, что я – лучшее, что случилось в его жизни. Мы ужинали дома, я готовила, он открыл вино. Мы легли поздно.

«Снова хочу тебя. Когда увидимся?»

Дата 17 февраля.

17 февраля мы были у его родителей. Его мама угощала меня пирогами и говорила, что я слишком худая. Марат смеялся и говорил, что я идеальная.

Я листала дальше. Октябрь, ноябрь, декабрь.

Декабрь. Когда он обнимал меня на кухне и говорил: *«Хватит откладывать, давай попробуем после Барселоны».*

В конце Карина прислала фотографию.

Я смотрела на нее.

Потом положила телефон на стол. Встала. Вышла из кабинета: спокойно, обычным шагом, прошла по коридору мимо Светы, которая что-то спросила, я не расслышала, свернула в сторону туалета, вошла, закрыла дверь на замок.

И вот здесь, в маленькой комнате с белой плиткой и гудящей вентиляцией, меня настигло осознание.

Сердце колотилось где-то в горле. Посмотрела на руки, они слегка дрожали. Включила холодную воду и долго держала запястья под краном, пока не прошло. Дышала. Считала про себя, это помогает, я знала это еще с университета, со времен сессий и первых серьезных презентаций.

Раз. Два. Три.

Факты, – сказала я себе. – *Смотри на факты*.

Факт первый: сообщения настоящие. Я знаю его как никто. Это он.

Факт второй: даты. Октябрь, ноябрь, декабрь, февраль. Минимум полгода. Пока я работала, планировала отпуск, думала про детей.

Факт третий: он говорил ей что у нас все плохо. Что я холодная.

Посмотрела на себя в зеркало. Серый жакет. Белая блузка. Тушь не потекла, я всегда покупаю стойкую.

Холодная.

Что ж.

Домой я ехала молча, даже не включила радио. За окном проплывала вечерняя Москва: огни, слякоть, люди со своими жизнями.

Я думала о том, как мы познакомились.

День рождения Антона, три года назад. Я не хотела приходить, устала после тяжелой недели, хотела домой, к книге. Но Антон бы обиделся. Я пришла, взяла бокал и встала у окна.

Марат появился рядом через двадцать минут. Просто встал рядом и сказал с той своей абсолютной уверенностью, которая меня тогда так раздражала: *«Ты здесь самая красивая, но при этом выглядишь так, будто хочешь домой. Это интригует»*.

Я ответила: *«Я правда хочу домой»*.

Он предложил: *«Тогда давай я тебя отвезу»*.

Я не поехала. Но проговорила с ним до двух часов ночи. Он был шумным, смешным, задавал слишком личные вопросы и слишком быстро. Он смотрел на меня так, будто я была самым интересным человеком в комнате. Не самой красивой, а именно интересной. Это было непривычно.

Через неделю он позвонил. Через месяц я поняла, что думаю о нем постоянно. Через три месяца я сказала маме: кажется, это серьезно. Мама ответила: *«Я вижу, ты по-другому улыбаешься»*.

Год встречались. Год назад расписались, тихо, только для семьи, я не хотела пышной свадьбы. Марат хотел, но согласился. Он всегда в итоге соглашался с тем, чего хотела я. Я думала, это потому, что он меня уважает. А теперь думаю, может, ему просто было удобнее не спорить.

Припарковалась у дома.

Собиралась двадцать минут. Документы. Ноутбук. Одежда. Все аккуратно, только то, что мое. Косметика. Книга с тумбочки. Зарядки.

Звонил Марат, я видела на экране. Раз, два, пять. Убавила звук.

Чемодан почти полный. Я стояла посреди нашей спальни и смотрела на кровать, нашу кровать, мы выбирали ее вместе, объездили три магазина, спорили о жесткости матраса, и думала, что надо взять плед. Тот, серый, мой, я привезла его еще из родительского дома.

Достала плед. Положила сверху.

На кухне на холодильнике висел листок, я написала неделю назад список того, что нужно купить к поездке в Барселону. Крем с высокой степенью защиты, легкие брюки, новые наушники. Марат приписал внизу своим почерком: «*Хорошее настроение x2*»– и нарисовал стрелочку.

Сняла листок. Сложила пополам. Выбросила в мусорное ведро. Телефон снова завибрировал. На этот раз пришло сообщение.

«*Лин, я еду домой. Что хочешь на ужин?*»

Я долго смотрела на эти слова. Потом написала четыре своих: «*Я прочитала. Не звони*». Отправила. Заблокировала номер.

Решила поехать в загородный дом родителей, они улетели на месяц к тете в Турцию, дом пустовал. Ключи у меня были всегда. Взяла чемодан. Вышла. Закрыла дверь нашей квартиры.

В лифте было зеркало. Я смотрела на свое отражение, пока спускалась. Серый жакет. Белая блузка. Тушь не потекла.

Вышла из подъезда, март ударил в лицо сырым холодом, загрузила чемодан в багажник, села за руль, завела мотор, тронулась.

Телефон снова завибрировал, это был уже другой номер, рабочий телефон Марата, он всегда звонил с рабочего, когда я не брала личный.

Я смотрела на экран, пока мы выезжали на шоссе. Потом совсем выключила телефон.

За окном тянулся город: огни, мокрый асфальт, чужие окна с желтым светом внутри. Где-то там чужие люди ужинали, смотрели телевизор, укладывали детей спать. Обычный вторник. Я смотрела в окно и думала только об одной детали, которая никак не давала мне покоя.

Декабрьская дата на одном из скриншотов.

Именно в декабре, в тот самый вечер, на той самой кухне – Марат обнимал меня и говорил: *хватит откладывать, давай попробуем, после Барселоны*.

И я ему верила. Я, которая умеет читать цифры, видеть риски, просчитывать на три хода вперед, – верила.

Автомобиль уносило меня все дальше от города. Сердце сжималось от боли. Где-то в выключенном телефоне все еще звонил Марат. Почему-то я была в этом уверена.

Выход один – развод.

Глава 2

Всегда просыпаюсь в шесть пятнадцать.

Не по будильнику, просто так работает мой организм. Шесть пятнадцать, глаза открываются сами, мозг сразу включается. Марат всегда смеялся над этим. Говорил ты не человек, ты робот в красивой упаковке.

Я говорила, что это просто дисциплина. Он говорил – одно и то же.

В среду утром я открыла глаза в шесть пятнадцать, посмотрела в незнакомый потолок и секунду не понимала где я. Потом вспомнила.

Родительский дом. Моя старая комната. Серые обои которые мама хотела поменять еще три года назад и все не доходили руки. Плед с университета. Окно на сад: голые мартовские деревья, мокрый снег на ветках, рассветное небо цвета грязной воды.

Я лежала и смотрела в потолок.

Потом встала, умылась, поставила чайник. Все медленно, аккуратно, как будто если делать каждое движение осознанно то не будет места для всего остального. Для мыслей, для картинок которые лезли сами: лицо Марата, его «почерк» на скриншотах, дата. Четырнадцатое февраля.

Чайник закипел, заварила чай, не кофе, кофе я пью только с молоком, а молока здесь не было. Села за стол у окна. Телефон лежал на подоконнике выключенный. Смотрела на него минут пять. Потом взяла и включила.

Экран загрузился и сразу начал вибрировать, сообщения приходили одно за другим, догоняли друг друга, как будто всю ночь стояли в очереди и теперь ломились все разом.

Сорок два пропущенных. Марат звонил со всех номеров, которые я знала и не знала, звонил со всего что было под рукой. Сообщения я читала по порядку.

Сначала тревога. *«Лина где ты, я дома, тебя нет, что случилось».*

Потом снова тревога, но уже другая, глубже. *«Лина пожалуйста просто напиши что ты жива».* Потом длинное сообщение, которое он явно писал долго, про то что понимает, что виноват, что объяснит все, что это не то что я думаю.

Не то что я думаю.

Перечитала эту фразу дважды. Скриншоты у меня в телефоне: число, время, его слова написанные его руками. Но это не то что я думаю.

Последнее сообщение пришло в три ночи.

«Лина. Я у подъезда твоих родителей. Тебя нет дома. Я не знаю где ты. Напиши хоть слово.»

Смотрела на эти слова долго.

Потом методично заблокировала все номера с которых он звонил и писал. Занесла в черный список. Написала в ответ на последнее сообщение коротко, до того как заблокировать: *«Я жива. Большие не пиши.»*

И закрыла.

Допила чай. Оделась. Поехала на работу.

День был загружен. С утра планерка, потом звонок с варшавским офисом, потом три часа с документами по новому проекту. Я работала и думала только о работе. Это мое умение, концентрация, полная, без зазоров. Марат всегда говорил что завидует этому. Говорил, я думаю о десяти вещах сразу, а ты умеешь закрыть все лишнее и видеть только задачу.

Света принесла кофе в два, я поблагодарила. Подписала квартальный отчет. Ответила на письма. В половину шестого стала собираться. Пальто, сумка, перчатки. Я шла по коридору к

лифту и думала о том что надо заехать в магазин, дома не было почти ничего, родители уехали еще в воскресенье.

Лифт. Холл. Стекланные двери банка. Вышла на улицу и сразу увидела машину Марата.

Черный «Мерседес», номер который я знала наизусть, припаркован прямо напротив входа. Марат стоял рядом. В черном пиджаке, без пальто, март, минус два, он никогда не мерз, это его грузинская кровь, он всегда смеялся, что ему холод не холод.

Увидел меня в ту же секунду. Сделал шаг вперед.

Я смотрела на него ровно столько сколько нужно чтобы понять. Да, это он, все как обычно, красивый, темноглазый, смотрит так будто я единственный человек на улице. Я умела читать его взгляд, три года научили. Сейчас в нем было все сразу: облегчение что нашел, страх что уйду, что-то еще глубже чему я не хотела давать название.

Отвела взгляд. И пошла.

Не в сторону, не в обход, а прямо, мимо него. Моя машина стояла дальше по улице, я шла к ней и смотрела прямо перед собой.

– Лина,– Низкий, до боли знакомый голос. – Лина, подожди.

Не остановилась. Марат пошел рядом, я слышала его шаги, быстрые, он всегда ходил быстро.

– Лина, пожалуйста. Пять минут. Просто дай мне пять минут объяснить...

Я шла.

– Я звонил тебе сорок раз. Ты заблокировала меня. Ты пропала. Я не знал где ты, я не спал двое суток...

Я шла.

– Лина,– в его голосе что-то сломалось. – Лина, остановись. Я прошу тебя. Я понимаю что виноват, я все понимаю, но дай мне хотя бы...

Остановилась. Не потому что он попросил. Просто мы дошли до моей машины и я остановилась достать ключи.

Марат встал передо мной. Близко, слишком близко, я видела что он действительно не спал, темные круги, напряжение в скулах, та вертикальная морщина между бровями которая появляется только когда ему очень плохо.

– Выслушай меня, – сказал тихо. – Просто выслушай. Я скажу все что хочешь. Отвечу на любой вопрос. Но не молчи так. Не вот так.

Я смотрела на него. Где-то рядом шли люди, с работы, по своим делам, обычный вечерний поток. Кто-то покосился на нас. Мне было все равно.

Я смотрела на Марата и думала о четырнадцатом февраля. О белых пионах которые он принес в тот вечер. О том как мы лежали потом и он говорил что я лучшее что случилось в его жизни. Медленно говорил, серьезно, не как обычно говорят эти слова, а как будто взвешивал каждое.

В тот же день. Он написал ей в тот же день.

Почувствовала как что-то внутри, то, что держало меня в порядке последние двое суток, та конструкция из концентрации и дисциплины и задач и чайника и отчетов, дало трещину. Тонкую. Почти незаметную.

Опустила взгляд на свои руки.

Идеальный маникюр. Кольца.

Помолвочное он надел мне в Петербурге, поздний вечер, набережная, он достал коробочку так неловко, что я испугалась что он ее уронит в воду. Я смеялась и плакала одновременно. Обручальное – год назад, ЗАГС, только семья, его руки слегка дрожали когда надевал.

Я помнила это. Помнила все. Сняла помолвочное. Медленно, аккуратно. Потом обручальное. Марат смотрел на мои руки и, кажется, не дышал.

Посмотрела на кольца, они лежали на моей ладони, белое золото, они красивые, я всегда думала что он выбрал идеально. Он знал мой вкус лучше чем я сама.

Потом я разжала пальцы. Кольца упали к его ногам. Негромко, коротко. Металл о мокрый асфальт. Марат смотрел на них.

Кто-то из прохожих остановился на секунду. Потом пошел дальше.

Я подняла взгляд на Марата. Спокойно. Ровно.

– У тебя больше нет жены, – сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.